

Все началось с телефонных линий. Один за другим, казалось бы, наугад, но с большой частотой, были обнаружены поваленные телефонные столбы, как будто пораженные сильным ударом. Они лежали поперек дорог, или попадали в дома, или были просто разбиты на щепки и разбросаны по улице. Провода свернулись, искрясь, в лужах, оставленных дождем прошлой ночью.

На окраинах была та же история с линиями электропередач – пилоны лежали, как металлолом, на подступах к Фуюки. Около половины Синто и большая часть Миямы полностью потеряли электричество, а остальное было в лучшем случае неполным. Инженеры, вскочив со своих кроватей, спросили себя, что, черт возьми, могло вызвать такой ущерб – странный шторм? Они могли бы назвать это терроризмом, за исключением того, что какой террорист мог сломать опору электропередачи пополам, не предупредив взрывом всех на мили вокруг?

Это был не терроризм. Преступник преследовал нечто гораздо более масштабное, чем простой террор, и Фуюки собирался это выяснить.

Когда взошло солнце, это были дороги. Транспорт, и без того страдающий от потери моста, внезапно полностью остановился, и улицы заполнили пешеходы – жители пригородов, пытающиеся заняться своими повседневными делами, или же любопытствующие, что же вызвало бесконечный затор. К своему ужасу, некоторые нашли причину.

Почти на каждом крупном перекрестке кто-то воздвиг баррикады. И не простые блокпосты – целые машины и грузовики, казалось, были раздавлены, сожжены и оттащены на позиции. В некоторых из них все еще были их водители внутри, хотя ни один из них не был жив. Было ли это причиной для печали, обсуждалось, учитывая их слегка... пережеванное состояние. В некоторых из них водители были изображены в виде искореженных обломков, свисающих с дверей или с перевернутых колес. В разгар дневной жары туча мух окружала каждый раздутый труп.

Баррикады нельзя было сдвинуть – как бульдозеры собирались пройти? Все дороги, по которым они могли бы добраться туда, были забиты транспортом или пешеходами. Весь город пытался найти альтернативные маршруты, только чтобы обнаружить, что их нет, только новые сцены разрушения. Местами сами дороги были стерты в порошок, изрыты выбоинами, достаточно большими, чтобы в них могла проехать машина.

Там, где они попали в трубопроводы и кабели, целые кварталы остались без электричества и воды. Это было бы прискорбно, учитывая, что надвигалось.

Жители Фуюки жаловались, потрясали кулаками и обвиняли правительство, или террористов, или инопланетян, или кого угодно – а потом все они попытались продолжить свой день.

Этому не суждено было сбыться.

Поздним утром это были службы экстренной помощи. Начиная с моря и продвигаясь на юг, таинственная серия пожаров и взрывов охватила все пожарные станции и полицейские участки как в Мияме, так и в Синтоизме.

Один за другим центр управления стихийными бедствиями терял связь со своими станциями, в то время как сообщения о пожарах сыпались потоком, их было достаточно даже с отключенными линиями, чтобы ошеломить телефонных операторов. Увидев схему, он попытался выслать свои пожарные машины, только чтобы понять, что они оказались в такой же ловушке, как и все остальные, из-за затора. Они сгорели там, где были припаркованы, не в состоянии вовремя отреагировать, чтобы помочь, точно так же, как все остальные не смогли

вовремя отреагировать, чтобы спасти их.

Пробки вынудили всех, кто ехал на работу, выйти из машин на улицу – теперь распространение пожаров заставило всех остальных присоединиться к ним. Улицы были забиты людьми, каждый из них пытался обойти друг друга. Полиция, такая же невежественная, как и все остальные, попыталась, но безуспешно, навести какой-то порядок на толпу. Неспособные ответить на какие-либо вопросы или оказать какую-либо помощь, все, что они могли сделать, это попытаться предотвратить драки и организовать волонтерские цепочки ведер.

К тому времени, как центру управления удалось приспособиться к тому факту, что все ресурсы, которые он использовал бы для реагирования на пожар, на самом деле были охвачены огнем, он сам подвергся атаке. Администратор на передней палубе заметил маленькую светловолосую фигурку, проходящую прямо мимо них. Пять минут спустя все помещение было объято пламенем, половина внешних стен сровнялась с землей, а все внутри были мертвы.

По мере того, как солнце поднималось все выше в небо, а пожары бушевали бесконтрольно, Фууки начал понимать, что никто не придет их спасать.

Около полудня начались нападения.

Первым было офисное здание в Синто. Сработала пожарная сигнализация, и рабочие послушно эвакуировались. Никто не добрался до автостоянки, которая служила местом сбора.

Второй была улица в Мияме, перекрытая с одного конца баррикадой, а с другого - домом, рухнувшим на улицу и все еще горящим. Около сотни человек застряли там, либо не желая покидать свои машины, предпочитая ждать в своих домах и молиться, чтобы огонь не перекинулся туда, либо просто не в состоянии взобраться на баррикаду с ее жуткими украшениями. Те, кто был на другой стороне, сообщили, что слышали вопли, визг, звуки тупых ударов в человеческую плоть ... и пронзительный, холодный смех молодой девушки.

Все это дошло в виде слухов до центров власти, большинство из которых только начинали привыкать к тому факту, что дороги перекрыты. Без надежных телефонных линий не было возможности получать информацию или выдавать инструкции. Без транспорта не было возможности передавать информацию из уст в уста. Поскольку более двадцати отдельных inferno были стянуты во все стороны службами экстренной помощи, власти мало что могли сделать. Разбираться с инцидентами по мере их возникновения приходилось уличной полиции.

И никто из них даже близко не был готов иметь дело со зверем, бесчинствующим на Фууки.

Во второй половине дня было собрано достаточно местных сил, чтобы попытаться спасти наиболее пострадавшие районы или, по крайней мере, оценить ущерб.

К настоящему времени первые пожары выгорели сами собой или были потушены цепями с водой, доставленными с пляжа в отчаянной попытке местных жителей спасти свои дома. Первые спасатели прибыли на место происшествия с опозданием на несколько часов, чтобы увидеть, что же, черт Возьми, произошло.

Это был беспорядок.

Единственным словом для обозначения этого была резня. Сожженные здания, разбитые машины, вырванные с корнем деревья, поваленные фонарные столбы и телефонные линии... мог обрушиться тайфун, и это мало что изменило. Но все это было ожидаемо, учитывая состояние города.

Тела, к сожалению, тоже были.

Чего не ожидали, так это сообщений. Выжженные на стенах, вымазанные кровью на дорогах, а в одном случае даже сделанные путем размещения трупов, как в каком-то омерзительном арт-проекте, были двумя словами.

УБИЙЦА.

СДАВАЙСЯ.

Сиренити взгромоздилась на руины дома, посмотрела вниз на очередную сцену ужаса и покачала головой. Под ней было то, что когда-то было пригородной улицей. Теперь асфальт был расплавлен, его едкий запах щекотал нос Сиренити и смешивался с запахом обугленного дерева, промозглой воды и толченого кирпича. И крови.

Люди, покрытые пылью, работали над раскопками рухнувших зданий, тушили пожары и искали выживших. Сиренити уже могла сказать, что это бесполезно. Здесь никого не осталось в живых.

Такое опустошение, мир в Фуюки нарушен, и ради чего?

Ее беспокоила не смерть ... не совсем. В течение долгих лет в качестве Хасана-и-Саббаха, Горного Старца, она унесла тысячи жизней. Она ненавидела это, но вряд ли могла отрицать, что привыкла к этому, перенося жизнь, полную страданий, и только ее вера уверяла ее, что в конце концов все получится.

Однако даже тогда ей редко удавалось убивать тысячи за один день.

Это должен был быть Берсеркер. Только огненный демон был достаточно силен, чтобы повернуть нечто подобное, и достаточно расстроен, чтобы думать, что оно того стоило. Райдер вполне могла сделать это, особенно если она могла призвать своего Тарраска как нечто большее, чем пустую оболочку, но она также была буквально святой. Арчер, возможно, была достаточно безжалостной, но это был не ее стиль. Сабля ... нет. Рыцарь Белых Лилий не был способен на это ни в каком смысле этого слова.

Заклинатель был неизвестен и вполне мог быть достаточно искусен в магии пламени, чтобы закрыть город. Но какой цели это служило?

Нет, Берсеркер был главным подозреваемым Сиренити. Но почему, почему она призвала Ассасинов сдать? Это не имело смысла.

К сожалению, Сиренити не нашла бы здесь ответов. Не было ощущения Слуги – Берсеркер давно ушел, без сомнения, чтобы сеять хаос в другом месте.

Что оставило вопрос. Что ей делать?

Разумеется, она не собиралась сдаваться. Игра в "Слугу Безумия", чем бы она ни была, наверняка могла закончиться плохо. Но... чего надеялся добиться Берсеркер, попросив?

Неважно. Это были вопросы к ее Учителю, не к ней. Все, что ей нужно было сделать, это выполнить приказ. И прямо сейчас ее приказом было: "Найти Берсеркера".

Убийца, раздался голос Кирицугу в ее голове. Немедленно отправляйся в Синтоизм.

Культурный центр разрушен. Поторопись.

Да, Мастер.

Сиренити отвернулась от этой печальной сцены и спрыгнула вниз, направляясь так быстро, как только могла, к другой. Невидимая, безмолвная Сиренити пронеслась над головами охваченной паникой толпы.

Когда она подошла к реке, она просто перепрыгнула через нее и продолжила путь.

Хорошая новость – ну, хорошая для целей поиска Берсеркера, не очень хорошая практически для чего-либо другого – заключалась в том, что Берсеркер делал прямо противоположное тому, чтобы залечь на дно. Плохая новость заключалась в том, что она была раздражающе осторожна по этому поводу. Это был пятый сайт, который Сиренити посетила в поисках своей цели, и Берсеркер не был ни на одном из них.

Сиренити, вполне возможно, была самой быстрой Служанкой на Войне, и, возможно, только Арчер опережал ее, и могла пройти большой путь за очень короткий промежуток времени. С Кирицугу и его фамильярами, а также с Майей, поддерживающей радиосвязь, было не так уж много Фуюки, где они не имели бы хоть какого-то представления о том, что происходит. Каждый раз, когда кто-нибудь из них замечал, что что-то происходит, Сиренити бросалась к нему ... только для того, чтобы Берсеркер исчез.

Это была хорошая стратегия. Берсеркер мог нанести неисчислимый урон в атаке "бей и убегай" с помощью комбинации чистой силы и этой силы пламени, а после дематериализации мог исчезнуть за считанные секунды, только чтобы появиться в другом месте еще до того, как кто-либо закончит реагировать на сообщения о первой атаке.

Хуже того, толпы людей, которых она вынудила выйти на улицы, означали, что другие Слуги должны были быть осторожны, чтобы самим не затевать драку. Можно было подумать, что правило секретности к настоящему времени должно было быть отменено ... за исключением того, что Берсеркер технически не раскрыла себя. По крайней мере, она не оставила свидетелей. Ни один слуга не хотел быть тем, кто выпустит этого джинна из его лампы.

Все эти люди на пути также означали гораздо больший потенциальный сопутствующий ущерб. Берсеркеру, очевидно, было все равно, но Сиренити не могла представить, чтобы Сэйбер или Райдер затеяли драку, зная, что улица, полная людей, окажется под перекрестным огнем.

И, говоря о...

Впереди Сиренити почувствовала присутствие Слуги. Приземлившись на крыше недалеко от места назначения, она инстинктивно спряталась в тени и выглянула наружу.

Сэйбер стояли перед баррикадой, их чистые бело-голубые наряды неуместны среди всего этого металла, сажи и крови. Их широкополые шляпы были низко надвинуты, скрывая глаза, а их рапиры оставались в ножнах на бедрах. Они стояли очень тихо, уставившись на сцену перед ними.

Баррикада была одной из самых тревожных, которые Сиренити видела за весь день. Как и другие, он был сделан из автомобилей, сложенных в три ряда поперек дороги так, что только маленький ребенок мог протиснуться между ними и зданиями по обе стороны. Однако эти машины были скреплены вместе, благодаря сочетанию огромной силы, сминающей металл, как глину, и экстремальной температуры, сваривающей его в одну сплошную массу.

Берсеркер не потрудился сначала убрать людей.

Один человек сидел в луже крови, где его голова была раздавлена двумя другими машинами, которые Берсеркер поставил поверх своей собственной. Одна пожилая женщина, похоже, умерла от сердечного приступа, а девушка, похожая на ее внучку, глубоко порезалась, пытаясь вытащить их обоих через окно. Семья из четырех человек готовила еду в собственной машине, когда Берсеркер запер их внутри.

Кулак Сэйбер сжал их меч. Любое оружие, выкованное сегодня, треснуло бы от такого давления.

Сверкнув яркой сталью, Сэйбер сделала выпад и выхватила оружие одним движением, вырвавшись вперед так быстро, что даже Сиренити моргнула. Последовал ... шквал активности.

Сэйбер стоял по другую сторону баррикады, и она рухнула у них за спиной. Металл заскрипел о металл, и машины разъехались в стороны, когда Сэйбер вложил свой меч в ножны.

Они растворились в ливне мягких белых лепестков как раз в тот момент, когда первые медики, полицейские и зеваки вышли из-за угла, чтобы посмотреть, что это за шум. Через несколько мгновений они ушли, но Сиренити все же успела заметить стиснутые зубы и холодные голубые глаза, прежде чем лепестки смешались с пеплом.

Для ее же блага Берсеркер лучше продолжать свою игру "нападай и убегай".

Никто из других слуг, скорее всего, не дал бы ей сегодня пощады.

Ибараки отпустила мужчину, которого держала за куртку, и позволила ему упасть на пол крошечной квартирki. В соседней комнате его жена лежала изуродованной кучей. В кроватке в спальне было раздражающее мяукающее существо, но она доберется до этого достаточно скоро.

Она давно перестала считать, скольких людей лишила праны. Она гудела в ее духовном "я", пьянящая и густая, как самый лучший алкоголь. Это придало сил всему ее телу, оно было легче воздуха и в то же время тверже камня. Она чувствовала себя более могущественной, чем когда-либо с тех пор, как ее призвали.

Конечно, это было естественно, что так должно быть! Она была могущественным они, созданным для того, чтобы охотиться на тщедушных человечков, которые визжали и размахивали руками, когда она хватала их. Да ... было вполне естественно и уместно, что она пришла в ярость, вселила страх в сердца тех, кому не повезло встать у нее на пути. Это было то, что сделал бы Шутен, и Ибараки сделал бы то же самое.

Но, клянусь богами, ее уже тошнило от вкуса человеческого. Неужели этого было достаточно?

Однако каждый раз, когда она подумывала остановиться, оставить людей в покое и удалиться отдыхать и развлекаться, слова Сэйбер возвращались к ней.

"Если тебе не удастся победить ее, как ты получишь обещанное командное заклинание? Такая королевская награда ..."

Достаточно? Чтобы сразиться с шестью героями, призванными из Грааля?

Никогда. Даже близко.

Итак, Ибараки продолжил. Создавала хаос, делала то, чего она даже не видела у Шутена, доводила мир смертных до безумия, как растревоженное муравьиное гнездо, и все это для того, чтобы дать ей возможность продолжать двигаться. Как только хотя бы один Слуга находил ее, все было кончено – она не могла позволить себе задерживаться, останавливаясь для борьбы. Если Ибараки не сможет сбежать почти немедленно, все остальные слуги почувствуют, что происходит, и набросятся на нее.

И Ибараки не был готов к этому.

Закончив с этой квартирой, она перешла к следующей, дематериализовавшись и прорвавшись сквозь стену, чтобы упасть на перепуганного старика с другой стороны. Она могла бы просто прорваться – эти непрочные современные здания теперь ничего для нее не значили. Но разрушение не было ее целью. Была Прана и секретность. Пусть эти глупые герои ищут ее в местах резни. Она бы спокойно продолжала набирать силу в другом месте, только для того, чтобы снова появиться и вызвать еще одно беспокойство.

Рюноскэ остался позади. Он скулил и протестовал, но правда заключалась в том, что Ибараки двигался слишком быстро, чтобы он мог за ним угнаться. Дурак продолжал предлагать ей что-то попробовать или что он хотел бы увидеть. Большинство из них заняли бы слишком много времени, но Ибараки потакала ему настолько, насколько могла, просто чтобы он перестал дуться. Честно. Этот идиот отлично вписался бы в число самых жестоких они горы Оое... но ему действительно нужно было узнать, когда уместно, а когда нет, терять себя.

В конце концов, она закончила, и Ибараки сделала паузу, чтобы перевести дух. Ей нужно было двигаться дальше, она знала это, но... на мгновение она позволила себе расслабиться. Выйдя на балкон, она вдохнула послеполуденный воздух. Это вряд ли можно было назвать мирным – воздух был полон сажи, дыма и пепла из сотен мест по всему городу, а издали доносились крики и вой сирен. Но Ибараки все равно воспользовался моментом, чтобы запечатлеть сцену.

Если бы другие Слуги не объединились против нее раньше, они наверняка объединились бы сейчас. Все эти неписанные правила, этикет Войны за Грааль, Ибараки просто плюнула на все это. Используя сам город в качестве своего меча и своего щита... это было амбициозно. Но, на самом деле. Они сами навлекли это на себя. Преследуя ее, без всякой причины, кроме того, что она была назначена злодейкой в их игре для героев... чего они ожидали, кроме того, что она еще больше вжиться в роль?

Ибараки была почти уверена, что не продержится еще двадцать четыре часа. То, что она делала... это работало хорошо, и каждый час делал ее сильнее. Но, в конце концов, она с замиранием сердца поняла, что живет в потраченное время. Нельзя бросить вызов всей Войне за Грааль и надеяться выжить.

Но она, черт возьми, сделает все, что в ее силах.

Она, по крайней мере, взяла бы с собой Ассасина. Ибараки не ожидал, что маленькая проныра действительно сдастся, и не собирался останавливать ее буйство, даже если бы они это сделали. Но, по крайней мере, она могла заставить других Слуг вызвать ее, как простой способ вывести Ассасина на чистую воду. Если ей повезет, Ассасин вполне может стать следующей целью после того, как она была ... после нее.

Ибараки покачала головой. Хватит этого мрачного разглядывания пупка.

Легким прыжком Ибараки перепрыгнула балкон и вылетела на открытый воздух, целясь в пригородную улицу.

Она поднялась и насладилась моментом на вершине своего полета, прежде чем упасть. Она решила, что настало время разжечь еще один костер. Люди были людьми, они запаниковали, но некоторые из них организовались, чтобы потушить их. Да, быстрая вспышка пламени, пополнение запаса праны, и она была бы выключена.

Самое приятное в огне было то, что он продолжал гореть, даже если вы его не подпитывали. Он служил оружием, отвлекающим фактором и инструментом подавления территории одновременно. Большинство они могли вызывать жар имитацией взрыва Праны, но Ибараки была намного выше этих обычных головорезов, совершенно другой породы, и флейм откликнулась на ее зов, как верный пес. Она призвала ее сейчас, обернув в нее свой клинок, чтобы, приземлившись, она могла вонзить его в землю и уничтожить все вокруг в расширяющемся аду...

... ей действительно потребовалось много времени, чтобы влюбиться, не так ли?

Когда Ибараки пришла в голову эта мысль, она внезапно ускорила к земле. Она упала, потеряв контроль по спирали, поскольку упала намного, намного дальше, чем подпрыгнула. Земля понеслась ей навстречу с ужасающей скоростью, и она сжалась в комок, готовясь к удару.

Когда это пришло, это было похоже на удар падающей звезды, и Ибараки лежала в созданном ею кратере, ошеломленная. Над собой она слышала голос.

"Видишь, Мастер? Немного манипулирования пространством, небольшое усиление гравитации, и половина работы сделана за тебя! И лучшая часть в том, что, поскольку это делает здравый смысл Гайи, то есть физика, даже сопротивление магии бессильно противостоять!"

Ибараки подняла голову с земли и посмотрела.

Над ней, на краю кратера, стоял Слуга. Ибараки вряд ли был склонен назвать любого человека великолепным, но этот был – бледная кожа, темные волосы, черты лица – произведение искусства. Взволнованные голубые глаза встретились с холодными глазами рептилии, и от чистого разума, скрывавшегося за ними, у Ибараки встали дыбом волосы.

"Ого? Ты круче, чем кажешься! Хозяин, отойди, дорогой, и позволь своему учителю разобраться с этим ..." Слуга положил руку ей на бедро. Гигантская, богато украшенная латунная перчатка, которую она носила на левой руке, не должна была сочетаться с синекрасным платьем, но оба предмета были такой невероятной сложности и красоты, что идеально подходили друг другу. Оба были созданы одним и тем же человеком, если судить по Ибараки – Слугой до нее.

"Я бы сказала доброе утро, Берсеркер, но ты все испортил", - сказала она. "Я наслаждался своим прекрасным сном, когда ужаснейший грохот поднял меня с постели. Я высунул голову из дома и увидел ужасный беспорядок снаружи! "Ну, Заклинатель", - сказал я себе, - "Мы не можем допустить этого!" Поэтому я разбудил своего бедного Учителя, такого же уставшего, как и я, и мы вышли посмотреть, чем можем помочь. Несколько небольших отслеживающих заклинаний позже, массовый гипноз, чтобы очистить территорию от нашей неудобной аудитории, и вот мы здесь! Теперь, что вы можете сказать в свое оправдание?"

Ибараки не удостоила это ответом, просто бросилась из своего положения лежа прямо на Кастера. С ее новообретенной силой, текущей по ее венам, она была смертоносной, неудержимой и двигалась быстрее, чем могла отреагировать глупая заклинательница. Ее когти вонзились в фигуру без какого-либо сопротивления...

... и тело Кастера размазалось по воздуху, как краска по холсту, прежде чем исчезнуть.

"Упс!" - сказал Кастер, вновь появляясь на другой стороне улицы, рядом с особенно тщедушным на вид мальчиком в какой-то зеленой форме. "И вот почему вы никогда не останавливаетесь и не разговариваете с демоном лицом к лицу, Мастер, если можете этого избежать. Лучше держаться на расстоянии!"

Улица была странно пустынной. Людей, которые заполнили все остальные районы Фуюки, нигде не было видно, и хотя машины все еще загораживали дорогу, внутри никого не было. Работа заклинателя, без сомнения.

"Заклинатель", - сказала Ибараки, изо всех сил стараясь сохранять достоинство, несмотря на то, что только что атаковала empty air. "Я сейчас уйду. Если ты не остановишь меня, мне не придется причинять боль тебе или твоему Хозяину. Прощай".

Не дожидаясь ответа, Ибараки вкачала силу в ноги и прыгнула, высвобождаясь при этом.

Секунду спустя она сделала второй кратер рядом с первым и зарычала себе под нос.

"О, нет, пожалуйста, не уходи!" - сказал Кастер. "Кто знает, что тебе взбредет в голову сделать? И кроме того..."

В ее руке в перчатке появился длинный посох, увенчанный чем-то вроде синей звезды, и ее лучезарная улыбка осветила улицу.

"... моему ученику нужен урок того, как сражаться"

<http://tl.rulate.ru/book/98536/3340574>